

Личностный смысл: результат познания или внешнего воздействия?

© доктор филологических наук И.А. Бубнова, 2010

Проблема понимания – одна из тех проблем, обсуждение которой не прекращается в течение тысячелетий. Причем, в отличие от многих других вопросов, которые интересуют исключительно представителей какой-то одной отрасли науки, о понимании размышляют ученые, работающие в самых разных областях научного знания. Более того, понимание – это вечная тема, над которой в той или иной степени задумывался каждый человек. Не зря А.А. Брудный метко заметил: «Если когда-нибудь будет написан гимн для всего человечества, в нем, наверное, будут слова: “Понимание, понимание превыше всего” <...> Понимание необходимо. И его всегда недостаточно» [Брудный 2005: 3]. Вероятно, в этом кроется объяснение стремительному росту числа исследований, в которых делаются все новые попытки разработать теорию понимания, способную помочь человеку познать и понять себя, других и мир, окружающий его.

Исследование феномена понимания в лингвистике, и не только в ней, неразрывно связано с изучением процессов понимания текста, выступающего тем семантически значимым пространством, которое объединяет реальную действительность, окружающую человека, и его внутренний мир, в большей или меньшей степени похожий на мир реальный, но никогда не повторяющий его полностью.

Сложностью и многосторонностью процесса понимания как объекта исследования объясняется существование разнообразных подходов к его изучению: философского [Автономова 1988; Павиленис 1986; Налимов 1989 и др.], синергетического [Пригожин 2000; Налимов 2002 и др.], психологического [Жинкин 1982; Зимняя 2001; Клацки 1978; Хофман 1986 и др.], психосемантического [Петренко 1988 и др.], семиосоциопсихологического [Дридзе 1984], когнитивного [Найссер 1981; Нишанов 1987 и др.], с позиций герменевтики [Богин 1982, 1984; Брудный 2005], психолингвистического [Горелов 2003; Залевская 2005; Леонтьев А.А. 2001; Сахарный 1989; Сорокин 1985 и др.].

Каждая из вышеназванных наук выделяет в общей проблеме понимания собственный, характерный для нее предмет, который определяется как конкретными задачами, стоящими перед данной областью научного знания, так и ее базовыми теоретическими постулатами.

Не является исключением в этом смысле и психолингвистика. Прежде всего, как отмечает Ю.А. Сорокин, посвятивший вопросам смысло-

вого восприятия текста значительное количество своих публикаций (см., например: [Сорокин 1979, 1982, 1985, 1991 и др.]), «целесообразно считать сугубо психолингвистическими те работы, в которых рассматривается (теоретически и прагматически, в рамках определенного понятийного аппарата) по крайней мере взаимодействие диады «реципиент – текст», причем реципиентом не является сам исследователь» [Сорокин 1985: 9]. Другая важная черта современного психолингвистического подхода заключается в том, что, в отличие от философских либо лингвистических концепций, строящих свои модели на основе логических рассуждений, он опирается на выработанное в отечественной психологии понятие смыслового восприятия, которое, «включая в себя осмысление и предполагая работу памяти, является сложной перцептивно-мыслительно-мнемической деятельностью» [Зимняя 1976: 7]. Иными словами, процесс понимания текста может быть представлен как построение в сознании реципиента определенного мыслительного конструкта, содержание которого обусловлено, по крайней мере, тремя важными факторами.

Во-первых, реконструкция содержания как операции над формой с целью «извлечения смысла» непосредственно связана с индивидуально-специфическими особенностями когнитивной деятельности. Такая деятельность может заключаться как в соотношении воспринятой информации с готовыми смысловыми стереотипами, так и представлять собой аналитический процесс вывода нового знания в процессе переструктурирования отношений внутри мыслительного поля («анализ через синтез» в определении С.Л. Рубинштейна [Рубинштейн 1989]). (См. об этом также: [Брушлинский 1979]). Во втором случае усвоение содержания не ограничивается выделением главного с некоторой предзаданной позиции, т. е. стереотипа. Дальнейший анализ позволяет реципиенту изменить свою первоначальную точку зрения относительно содержания текста, что, в свою очередь, приводит к выделению новых сторон и к новому синтезу, обеспечивая, таким образом, глубину проникновения в смысл и развитие познания. Одновременно с анализом вербального сообщения происходит учет невербальной информации, которая часто воспринимается на подсознательном уровне, но, тем не менее, вносит свои коррективы в процесс построения ментальных репрезентаций транслируемого содержания.

Во-вторых, из сказанного выше очевидно, что первоначальное восприятие текста зависит от широты набора схем, стереотипов и представлений, хранящихся в памяти субъекта. Именно эти «когнитивные совокупности знаний и представлений» (термин В.В. Красных), выработанные на основе прошлого опыта деятельности, позволяют ему сформировать сначала установочную ориентацию (предзаданную позицию)

относительно будущего сообщения, и уже затем соотнести полученный сигнал «с единицами наглядного кода внутренней речи (УПК) и с результатами отражения ситуации в момент общения» [Горелов 2003: 64].

Третьим важным фактором является то, что набор схем, представленных в индивидуальном сознании, или, другими словами, индивидуальную когнитивную базу, невозможно определить как полностью субъективное образование. Несмотря на то, что опыт каждого человека в известной степени индивидуален, а развитие различных психических функций, свойственных человеку, начинается на натуральной стадии, структура личности, конкретные формы личностного развития в целом определяются культурой и социумом. Более того, основой всего этого процесса, его главным опосредующим фактором, как указывал еще Л.С. Выготский, является речь, несущая знаки, обусловленные социально [Выготский 2004].

Именно совокупность этих факторов в конечном итоге и определяет выбор единиц из сложившегося в сознании личности индивидуального «образа мира», которые затем становятся основой для построения ментальной репрезентации смысла воспринимаемого текста. Иначе говоря, решающее влияние на понимание оказывает содержание языкового сознания личности или ее «образ мира», через призму которого человек декодирует услышанное либо прочитанное.

Если согласиться с тем, что адекватное понимание смысла любого текста зависит от «образа мира» человека, то в этом случае исследование проблемы понимания непосредственно связано с исследованием значения слова как единицы индивидуального сознания. Прежде всего, рассмотрение значения в таком ракурсе позволяет увидеть в нем и средство «выхода на личностно переживаемую индивидуальную картину мира во всем богатстве ее сущностей, качеств, связей и отношений, эмоциональных нюансов и т. д.», и средство «соотнесения личностных картин мира, для чего необходима общепринятая системность значений слов, разделяемая социумом и выступающая в качестве инварианта» [Залевская 2005: 231–232]. Но не менее важно и то, что предложенная А.А. Залевской концепция значения полностью коррелирует с трактовкой «образа мира» как системы значений [Леонтьев 1983], согласно которой данный образ является интегральным идеальным продуктом работы сознания, формирующимся в ходе постоянных трансформаций чувственных образов в значения и смыслы в соответствии с общественно-исторической практикой и личным опытом субъекта деятельности. Именно такой «образ мира», наполняясь значениями, представляет познанные человеком объективные связи, определяет глубину понимания отдельных явлений внешнего мира и, в конечном итоге, его целостное видение действительности.

Психолингвистический подход к слову как достоянию сознания человека позволяет представить процесс образования субъективного значения как процесс осмысления различных феноменов, событий и ситуаций действительности, называемых словом. В основе развития такого значения лежат представления, включающие в себя продукты всех когнитивных процессов человека и являющиеся ментальными репрезентациями реального содержания тех видов деятельности, субъектом или объектом которой становится личность в течение жизни. И в этом отношении формирование субъективного значения соотносимо с извлечением смысла текста, с той лишь разницей, что в данном случае в роли текста выступает определенный фрагмент деятельности, встроенный в общий культурный и социальный контекст.

Представляется, что особого внимания в данном случае заслуживает процесс формирования субъективного значения слов группы абстрактной лексики, куда традиционно относят два класса имен: событийные (пропозитивные) и признаковые [Арутюнова 1976; Всеволодова 2000; Кацнельсон 1972].

Имена событийные выключают в себя названия событий, процессов, действий, состояний. К признаковым именам относятся названия качеств (деадъективы), признаков (качественных и количественных), параметрических единиц (временных, пространственных и других), сфер человеческой деятельности и конкретных ее областей, а также названия абстрактных понятий, включающих: а) философские категории и их конкретные проявления; б) разного рода качественные характеристики действий, предметов и явлений; в) гносеологические понятия [Всеволодова 2000].

Отличительной чертой всех этих абстрактных существительных является то, что они относятся к лексике с сигнификативно-денотативным либо чисто сигнификативным типом знакового значения. Такие имена не обозначают предметы в буквальном смысле слова, а значительное их число, в противоположность конкретным, обозначают понятия, относящиеся к миру человека, к умственным, нравственным, психическим, социально-нормативным сферам деятельности, представляя собой в подавляющем большинстве опредмеченные признаки. Двучастный характер их семантики позволяет совмещать в их смысловой структуре разные по степени абстракции значения, одно из которых образовано на сигнификативной, а другое – на денотативной основе логико-предметного содержания. Собственно такой характер абстрактной лексики дает основания для следующего вывода: «Абстрактное имя представляет собой высшую форму ментальной деятельности человека, поскольку оно обобщает такие стороны материальной действительности

(они могут и противоречить друг другу), которые, хотя и присущи ей, в самой действительности ничем, кроме имени, не объединены» [Чернейко 1997: 66–67].

С точки зрения психолингвистики основное различие между конкретной и абстрактной лексикой заключается в типе обобщения, а точнее – в тех психических механизмах, которые стоят за операцией обобщения. Специфика абстрактного имени заключается в том, что явления, стоящие за ними, относятся к совершенно другому уровню реальности, чем явления, стоящие за именами конкретными, а образование значения такого имени в сознании является результатом особого вида когнитивной деятельности. Можно предполагать, что именно этот вид деятельности имел в виду Л.С. Выготский, когда писал: «Абстракция и обобщение мысли принципиально отличны от абстракции и обобщения вещей. Это не дальнейшее движение в том же направлении, не его завершение, а начало нового направления, переход в новый и высший план мысли» [Выготский 2004: 937]. Но главное отличие этой группы имен состоит в том, что данные абстракции не являются именами вещей или простыми отвлечениями, это – «имена сложных ситуаций» [Филлмор 1983: 119]. В этих ситуациях в общем пространстве объединяются разнородные идеи, причем, как отмечает Л.О. Чернейко, все эти ситуации расположены в разных местах на шкале абстракции, что объясняется большей или меньшей ясностью и отчетливостью выделяемых признаков [Чернейко 1997].

Абстрактные имена, по Локку, существуют скорее в мыслях людей, чем в действительности, но они возникают как объединение коллективным разумом в одну идею многих реально существующих, но ничем не связанных в физическом мире, вещей. Эта идея, сформированная отношением разума к физическим вещам, представляет собой некий культурный эталон, используемый в данном социуме в качестве меры (цит. по: [Чернейко 1997]). Поэтому вряд ли является случайным тот факт, что, несмотря на расплывчатость словарных дефиниций таких слов как *достоинство, нравственность, мораль* и др., эти идеи не просто осознаются. В отличие от объективных законов природы и мышления, познаваемых людьми, деонтология и аксиология создаются ими, причем люди целенаправленно и осознанно формулируют основы норм поведения, которые рассматриваются обществом как необходимое условие его существования. Это позволяет говорить о «вещности» абстрактных имен в реальном мире, о наличии у них некоего «материального субстрата», заключенного, как представляется, в деятельности и конкретных

действиях людей, результаты которых постоянно обобщаются в мыслях и отражаются в языке.

Таким образом, в психолингвистическом аспекте возможно говорить о двойной сущности абстрактного имени. С одной стороны – это дискретный феномен, системная единица языка, значение которой сохраняется в когнитивной базе, представляющей собой определенным образом структурированную совокупность знаний и национально-детерминированных минимизированных представлений какого-либо национально-лингво-культурного сообщества, которыми обладают все его представители (см. об этом: [Красных 2001]). С другой стороны – это континуальный процесс смыслообразования, происходящий на всех уровнях обобщенности информации, опосредованный индивидуальной системой мотивов и обусловленный участием человека в различных видах деятельности. Результатом этого процесса является определенное лишь в какой-то момент жизни человека субъективное значение слова как единица индивидуального когнитивного пространства или индивидуального лексикона.

Понимание абстрактного имени с таких позиций позволяет предполагать, что его сущность в индивидуальном сознании может изменяться как в ходе деятельности самого человека в результате все более глубокого проникновения и познания сути вещей, так и под воздействием определенного рода, которые в рамках классической семантики обозначаются как денотат. Однако денотат абстрактного имени имеет отличную от денотатов конкретных и отвлеченных имен природу. Это феномен другого порядка, имеющий физическую основу в действительности в виде материальных видов деятельности или класса объектов, которые познаются в мыследеятельности путем абстрагирования и комбинирования свойств, ситуаций, связей, отношений, наблюдаемых в жизни [Комлев 2003]. В рамках психолингвистического подхода к значению такой денотат может быть обозначен как прототипический, представляющий собой некий «каркас» как набор свойств прототипического денотата, которые характеризуют центральные случаи употребления слова и фиксируются в словарных описаниях. Несмотря на диффузность такого рода денотата, он, тем не менее, должен отражать общую когнитивную базу, разделяемую определенным культурным сообществом, т. к. только наличие общего смыслового пространства дает возможность человеку говорящему воспринимать явление, называемое словом, в качестве такового.

Однако проблема формирования прототипического денотата может быть рассмотрена и под другим углом зрения: с точки зрения тех внут-

ренных причин, которые обуславливают варьирование означаемого у одного и того же означающего. И в этом случае в фокусе внимания оказывается тот факт, что данный тип денотата характерен именно для групп лексики, значения которых явно соотносятся со сферой общения и связаны с социальными аспектами «образа мира».

Выше уже отмечалось, что нормы поведения формируются обществом, и каждый отдельный человек вынужден считаться с «навязываемыми» ему законами. Причем спектр этих «навязываемых» норм достаточно широк. Как справедливо указывает Е.Ф. Тарасов: «Человеческие ценности, социальные типы (социальные роли), социальные стереотипы поведения, образы и стили жизни, социальные мифологемы – это представления, конструируемые в социуме для маркирования и регулирования социальных отношений. <...> значения слов, маркирующие отношения людей, складывающиеся в ходе общения членов социума, детерминированы социальным произволом субъектов общения, т. е. значение этих слов – результат социального конструирования» [Тарасов 2009: 52].

Объяснение тому, каким образом гипотезы о познаваемом объекте, которые индивид строит в своем сознании на поверхностном уровне его восприятия, и знания о сущности объекта, формируемые человеком уже на ядерном уровне, ограничиваются искусственно сконструированными правилами социального взаимодействия, как и объяснение процесса развития субъективного значения, дает общепсихологическая теория деятельности, точнее – «эвристический принцип» организации речевой деятельности, сформулированный в работах А.А. Леонтьева. Более того, данный принцип позволяет объяснить:

1) процесс «передачи» требуемых знаний от говорящего к слушающему и роль в этом процессе знаний языкового сознания;

2) частичную адекватность значений языковых знаков, используемых в коммуникации, неязыковым знаниям, хранящимся в сознании человека;

3) существование «приемлемого» (термин Е.Ф. Тарасова) уровня индивидуальности понимания, границы которого определяются необходимостью осуществления совместной деятельности.

Заявленная сегодня в психолингвистике необходимость исследования содержания социальных аспектов «образа мира», т. е. содержания языкового сознания, ассоциированного с лексическими единицами, конструируемыми в условиях социального контроля [Тарасов 2009], прежде всего связана с растущим беспокойством ведущих отечественных ученых, отмечающих, что в сознании сегодняшнего российского социума активно закрепляются ценности западного мира, в корне отличающиеся от ценностей славянской культуры.

В значительной мере такому положению дел способствуют агрессивная политика СМИ, отсутствие государственной идеологии и, как следствие, отсутствие национальной идеи. Вряд ли вызывает сомнение, что модели поведения, которые предлагаются в многочисленных реалити-шоу с экранов телевизоров и с журнальных страниц, не просто обесценивают такие понятия, как *дружба, семья, любовь, честь, слава, порядочность, добро* и многие другие, составляющие ядро сознания нации. Они изменяют «образ мира» в целом, упрощая жизнь и внедряя в сознание массового человека миф о вседозволенности и возможности достижения личных целей без оглядки на вековые традиции народа. Экспериментальные данные показывают, что к настоящему времени значение данных слов как единиц индивидуального сознания молодых людей постоянно изменяется, и их содержание часто не соответствует тем ценностям, которые на протяжении многих столетий транслировались нашей культурой [Бубнова 2008]. Более того, такие слова как *стыд, честь, совесть* являются для значительной части молодежи семантически пустыми, а их значения осознаются либо через внешние проявления, либо связываются с образами далекого прошлого (например, *стыд – красные щеки, честь – гусары* и т. д.) [Бубнова 2009]. Не менее тревожным кажется тот факт, что, с одной стороны, многие стереотипы-представления, носившие для русских ранее явно негативный характер, воспринимаются молодыми людьми с одобрением, а, с другой – определенная доля прецедентных феноменов, входящих в национальную когнитивную базу, остается для них непонятной.

Трансформирование субъективных значений слов, составляющих «каркас» образа мира нации, «уход» из когнитивной базы национальных прецедентных феноменов и их замена на стереотипы и прецедентные феномены, не связанные с нашей культурой – это свидетельство изменений в «образе мира», формировавшегося всей нашей историей. Без сомнения, изменение существующего положения вещей требует усилий многих государственных структур. Что касается психолингвистики, то исследования процесса формирования смысла значений слов, относящихся к сфере общения: моральных и этических ценностей, стереотипов поведения, предрассудков и т. д., может помочь не только глубже изучить содержание индивидуального значения и те его компоненты, которые играют ведущую роль в понимании текста. В этом случае, как представляется, возможно выявить действительную степень субъективности значения и проследить, что на самом деле оказывается главным фактором, опосредующим содержание слова как единицы индивидуального лексикона и влияющим на понимание феномена, им обозначаемого – особенности индивидуальных когнитивных процессов или целенаправленное влияние извне.

Л и т е р а т у р а

1. *Автономова Н.С.* Рассудок. Разум. Рациональность: Монография. – М.: Наука, 1988. – 287 с.
2. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
3. *Богин Г.И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1984. – 30 с.
4. *Богин Г.И.* Филологическая герменевтика: Учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1982. – 86 с.
5. *Брудный А.А.* Психологическая герменевтика – М.: Лабиринт, 2005. – 336 с.
6. *Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование. – М.: Мысль, 1979. – 230 с.
7. *Бубнова И.А.* Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект). – Дис. ... д.ф.н. – М., 2008. – 451 с.
8. *Бубнова И.А.* Универсальное и национально-специфическое в значении слов, обозначающих нравственные понятия // Культура как текст. Сб. науч. ст. – Вып. IX. – М.: ИЯ РАН; Смоленск: СГУ, 2009. – С. 105–115.
9. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.
10. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса: Методологическое исследование // Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2004. – С. 41–191.
11. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2004. – С. 208–548.
12. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2004. – С. 664–952.
13. *Горелов И.Н.* Избранные труды по психолингвистике. – М.: Лабиринт, 2003. – 320 с.
14. *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии: Монография. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
15. *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 157 с.
16. *Залевская А.А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
17. *Зимняя И.А.* Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения. – М.: Наука, 1976. – С. 5–33.
18. *Зимняя И.А.* Лингвopsихология речевой деятельности. – М.: Моск. психолого-социальный ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.
19. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
20. *Клацки Р.* Память человека: структуры и процессы / Пер. с англ. – М.: Мир, 1978. – 319 с.
21. *Комлев Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова. Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 192 с.
22. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
23. *Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. – М.: Моск. психолого-социальный ин-т, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 448 с.
24. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2-х томах. – М.: Педагогика. – Т.2. – с.
25. *Найссер У.* Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.
26. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М.: Прометей, 1989. – 289 с.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, В.В. Красных, А.И. Изотова. – М.: МАКС Пресс, 2010. – Вып. 40. – 156 с. ISBN 978-5-317-03524-2

27. *Налимов В.В.* Самоорганизация как творческий процесс: философский аспект // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 143 – 156.
28. *Нишанов В.К.* Феномен понимания – когнитивный подход. – ИНИОН АН СССР, 1987. – №30993.
29. *Павленис Р.И.* Язык, смысл, понимание // Язык. Наука. Философия. – Вильнюс, 1986. – С. 240 – 263.
30. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания: Монография. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 208 с.
31. *Пригожин И.Н.* Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. – 208 с.
32. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – Т.1.: М.: Педагогика, 1989. – 486 с.
33. *Сахарный Л.В.* Введение в психолингвистику: Курс лекций. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 184 с.
34. *Сорокин Ю.А.* Текст: цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М.: Наука, 1982. – С. 61–74.
35. *Сорокин Ю.А.* Психолингвистические аспекты изучения текста: Монография. – М.: Наука, 1985. – 168 с.
36. *Сорокин Ю.А.* Текст и его изучение с помощью лингвистических и психолингвистических методик // Текст лекций «Введение в психолингвистику». – М.: Моск. гос. лингвистич. ун-т, 1991. – Т.2. – С. 30– 56.
37. *Сорокин Ю.А.* Смысловое восприятие текста и библиопсихология // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения: Коллективная монография. – М.: Наука, 1979. – С. 234–323.
38. *Тарасов Е.Ф.* Социальные аспекты формирования языкового сознания // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тез. докл. Москва, 15 – 17 июня 2009 г. / Ред.коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв.ред.), О.В. Балясникова, Е.С. Ощепкова, Н.В. Уфимцева. – М.: Изд-во «Эйдос», 2009. – С. 51–56.
39. *Филлмор Ч.* Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. – М.: Радуга, 1983. – Вып. 12. – С. 74–122,
40. *Хофман И.* Активная память: Экспериментальные исследования и теории человеческой памяти / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1986. – 312 с.
41. *Чернейко Л.О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 320, с. 66–67